

Фань Лянь рассмеялся, и Чэн Фэнтай тоже засмеялся, а старина Гэ, стоявший позади, не смог сдержать смеха.

— После этого острога «У монахини вырастут волосы — ничего не изменится» разошлась по Пинъяну. До Шан Сижуй никто не слышал такой фразы. Мы все подозреваем, что он сам её придумал, ха-ха-ха!

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Шан Сижуй прав, ведь это не его вина, что голос не изменился. Его учитель был довольно несправедлив. Наверное, Шан Сижуй с детства получал много незаслуженных ударов.

Фань Лянь кивнул:

— Все актёры вырастают под ударами палок. Если споют правильно — бьют, если неправильно — бьют ещё больше. Он ведь начинал как актёр мужских ролей, а там требуется стальная выносливость, так что ему доставалось больше других.

Чэн Фэнтай с трудом представлял себе нежного и изящного Шан Сижуй со стальной выносливостью, и ему стало жаль его.

— Но ведь сейчас он тоже прекрасно поёт мужские партии?

— Да, прекрасно. Но ведь многие любители тоже поют хорошо, но не могут стать профессионалами и долго выступать. Здесь есть свои секреты. Если Патриарх-основатель не дал таланта, то можно петь какое-то время, но не всю жизнь. Актёры это понимают.

Чэн Фэнтай пока не до конца понял, но кивнул:

— И тогда он перешёл на женские роли.

— Сначала он начал учиться играть на музыкальных инструментах. Именно тогда он освоил восемнадцать видов инструментов. Он действительно думал, что больше не сможет петь, но не хотел уходить из театра, поэтому решил освоить ремесло, чтобы не умереть с голоду. Так прошло больше года. Однажды, когда они выступали на домашнем спектакле для одного чиновника, заказали невестку Пин, но у неё болело горло, и она боялась испортить представление. Тогда Шан Сижуй вызвался спеть за неё из-за кулис — и это было идеально!

Чэн Фэнтай с гордостью улыбнулся, представляя, как эффектно и мастерски это выглядело.

— После этого невестка Пин пообещала научить его петь женские партии. Шан Цзюйчжэнь тоже не стал ему мешать. Затем Шан Сижуй учился у разных мастеров, и в итоге

действительно освоил это искусство.

Фань Лянь, вспоминая это, невольно почесал затылок, выражая недоумение:

— Ну что за способность к обучению! Его мужские партии — это чистая школа Шан, которую он перенял от своего учителя. А женские партии — это что-то уникальное, в них есть от разных стилей, но они не похожи ни на один из них. Просто его голос звучит так, что это приятно слушать. Поэтому в итоге он стал более известен как исполнитель женских ролей.

Фань Лянь сделал паузу:

— Кстати, его имя «Сижуй» он добавил уже после того, как начал петь женские партии.

Чэн Фэнтай долго молчал, обдумывая слова Фань Ляня. Он знал Шан Сижую уже два-три года, они говорили о многом — о настоящем, о будущем, но никогда не обсуждали свои прошлые истории. И теперь он узнавал о жизни Шан Сижую из уст другого человека, что вызвало в нём лёгкое раздражение. Но он знал, что Шан Сижуй, скорее всего, сказал бы: «Ну и что? Я ведь тоже знаю о тебе только из сплетен. Зачем об этом говорить?»

Шан Сижуй во многом был проще, чем Чэн Фэнтай.

На сцене уже разворачивалась сцена, где императрица отравила наложницу и заточила императора. Император провёл в заточении десять лет, подавленный и несчастный. Его меч, когда-то сверкавший, как осенняя вода, исчез, и теперь он стоял лицом к реке Ин, вздыхая:

— Где же те, кто когда-то разбивал головы за справедливость? Кто видел пятьсот храбрецов? Под дворцовыми ступенями не найти ни сосен, ни кипарисов, только сорняки растут у трона. Эй, люди! Кто скажет мне, кто за эти десять лет в Интае не изменил своим принципам?

Как и ожидалось, только после этих слов зрители поняли, какую скандальную тайну раскрывает Шан Сижуй. В зале воцарилась странная тишина. Они смотрели на него, словно заглядывая в давно забытую тайну, спрятанную за стенами дворца.

Фань Лянь протяжно вздохнул:

— Шан Сижуй действительно смелый! Хорошо, что император в Тяньцзине!

Затем он рассмеялся:

— Но он действительно великолепен! После этого спектакля он не только наживёт себе врагов, но и завоюет сердца множества девушек и женщин!

Он с лукавым взглядом посмотрел на Чэн Фэнтая, ожидая, ревнует ли тот.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Ты говоришь так, будто он всех покоряет.

Фань Лянь рассмеялся:

— Ты что, не знаешь? Ты думаешь, почему он уехал из Пинъяна?

— Разве не потому, что его забрал мой зять?

— Я говорю о том, что было до этого. Шан Сижуй трижды уезжал из Пинъяна, и первый раз это было из-за девушки.

Чэн Фэнтай удивлённо поднял бровь:

— О, правда? Из-за чего?

Фань Лянь понизил голос:

— Он пленил дочь уездного начальника, и она подарила ему семейную реликвию в качестве награды. Когда это вскрылось, Шан Сижую пришлось уехать, чтобы избежать скандала, и он вернулся только после того, как девушка вышла замуж.

Чэн Фэнтай фыркнул:

— Никогда бы не подумал...

Фань Лянь любил рассказывать то, чего Чэн Фэнтай не знал, и, понизив голос почти до шепота, добавил:

— Тогда ты точно не знаешь, почему Шан Сижуй ушёл из дома командующего Цао.

Чэн Фэнтай, вспомнив предыдущие истории, подумал:

— Он соблазнил мою сестру? Наставил рога моему зятю?

Фань Лянь плюнул:

— Как ты только такое выдумываешь?! Хотя и близко к тому. Он чуть не сделал твоего зятя дедушкой.

Затем он тут же насторожился:

— Только никому не говори, ты же знаешь характер твоего зятя.

У командующего Цао было три сына и одна дочь, младшая из которых только поступила в университет и была на два года младше Шэн Цзыюня. Если так, то когда Шан Сижуй ушёл из дома Цао, третья госпожа Цао была всего тринадцати-четырнадцати лет. Как могла быть такая история!

Чэн Фэнтай скрипнул зубами:

— Черт!

Фань Лянь откинулся на спинку стула, подводя итог своим сплетням.

— Я не знаю всех деталей, так что не могу рассказать больше. Но если он ушёл, чтобы избежать скандала, то это вполне объяснимо.

Тем временем спектакль приближался к кульминации. Верный министр пожертвовал своей женой, чтобы сохранить кровь императора, а сам император, притворившись мёртвым, сбежал из дворца. Сплетни в зале были громкими, но на сцене разворачивались ещё более скандальные события, связанные с самим императором, что заставляло зрителей то и дело вздрагивать от удивления. Фань Лянь тоже замолчал, задумавшись. Чэн Фэнтай уже много раз видел эти дерзкие сцены и представлял, как завтра газеты будут пестреть заголовками, снова поднимая популярность Шан Сижуйя.

Чэн Фэнтай почувствовал лёгкую горечь в сердце. Он не ожидал, что у Шан Сижуйя было столько историй, о которых он не знал. Он решил хорошенько его допросить.

Шан Сижуй закончил «Повесть о скрытом драконе», но, не в силах противостоять энтузиазму зрителей, в итоге исполнил на бис отрывок из пекинской оперы «Брод Сяояо». К тому времени, как он снял грим и покинул театр, была уже глубокая ночь. Чэн Фэнтай, обменявшись парой шуток с Фань Лянем, попрощался с ним, велел старине Гэ подождать в машине, а сам направился за кулисы. В узком коридоре, ведущем в гримёрку, он столкнулся с бэйлэ Анем, которому, видимо, отказали во встрече — или же он всё-таки видел Шан Сижуйя, но его лицо выражало такую досаду и гнев, что казалось, будто его действительно выставили за дверь. Он был мрачен и разгневан. У двери гримёрки стояли Сяо Лай и незнакомый мужчина, похожий на телохранителя или слугу. Видимо, у Шан Сижуйя был гость, и, возможно, весьма важный.

Чэн Фэнтай слегка приподнял шляпу и вежливо поздоровался:

— О! Бэйлэ Ань! Добрый вечер!

<http://bllate.org/book/15435/1368624>